

Николай Оцуп

Н.С.Гумилев. Его жизнь, творчество и время

Русская литература. - Творчество. - 1995. - 23-29 марта. - с. 10

Хулители Гумилева утверждали, будто бы он завидовал Блоку, как пушкинский Сальери Моцарту. Все это чистая ложь. Гумилев защищал свои художественные принципы, противоположные позициям Блока.

Замятин не претендовал на то, чтобы «править» современной литературой, как Гумилев, но тем не менее он хотел создать какую-то школу. «Настоящая литература, — говорил он, — не может существовать там, где она является делом дотошных и скучных чиновников. Зато она расцветает, когда ее творят сумасшедшие, отшельники, еретики, мечтатели, скептики». От такого утверждения руководители государственной литературы не могли прийти в восторг. Зато «серапионы» были в восторге. Они ревностно посещали лекции Замятина, который учил их, как надо писать. Подобно Гумилеву, Замятин был приверженцем упорной и кропотливой работы.

На этом и кончается сходство между Замятиным и Гумилевым. Роль Гумилева все больше росла. Он являл собою редкий пример поэта, чье значение не уменьшилось вследствие прилагаемых им усилий учить правилам «чистой поэзии», а только возрастало. Часто ведь бывает, что настоящий мастер теряет хотя бы часть своих творческих способностей, одаря других полезными советами. Мы уже упоминали Вордсворта, ставшего «teacher» («учителем»). В современной России такой удел достался Брюсову и во многих отношениях Вячеславу Иванову. Замятин как писатель невольно вышел ослабевшим из того тяжелого испытания, на которое он обрек себя.

Бывшие вожди декадентства и символизма

После революции бывшие «вожди» декадентства и символизма окончательно отошли в литературное прошлое. Уехав за границу, Бальмонт писал стихотворения, которыми больше никто не интересовался, за исключением нескольких эмигрантов, помнивших его былую славу. Брюсов старался убедить самого себя и других в том, что все идет к лучшему и что настоящие поэты, т.е. настоящие бунтовщики, не могли и желать ничего лучшего, нежели большевизм. Благодаря лозунгам такого типа ему удалось за-

нять видное место при московском правительстве, но его новые стихотворения уже не достигали прежнего уровня. Сологуб, который вообще никогда не отличался общительностью, замкнулся у себя дома, где сочинял очаровательные пасторали (которые в большинстве своем были лишь адаптациями французских пасторалей). Будучи блестящим переводчиком поэзии, он сотрудничал в издательстве «Всемирная литература». Сологуба уважали, но его деятельность и влияние заметно ослабевали. Мережковский и Гиппиус только и думали о близком тайном выезде из России. Еще до революции оба они подчиняли поэзию религиозным, философским и даже политическим вопросам. Эта тенденция стала впоследствии господствующей во всех произведениях этих замечательных писателей.

Наследие модернизма, некогда так крепко связывавшего европейскую и русскую поэзию, лишалось всякой осязаемой опоры. Были ли поэты, следующие за поколением Мережковского, Брюсова, В.Иванова, Сологуба, наделены достаточным опытом, эрудицией и талантом, чтобы взять на себя такую сложную задачу в то время, когда, казалось, рушатся сами устои русской культуры?

Преемники символистов

Поэтическое дарование Блока, Белого, Маяковского, Есенина, Ахматовой, Мандельштама, Гумилева ничем не уступало их ближайшим предшественникам.

Но Белому, Дионисию русского модернизма, преследуемому менадами, рано или поздно было суждено «рухнуть». Терзания его «кризисного» духа, его метания в области политики, да и в других областях, предвещали его крушение. Этот многоликий человек впадал в медленную агонию, которая кончилась его смертью в 1934 году. Страдание, тревога, паника, раздуваемые в жуткой атмосфере его романов («Москва под ударом»), создавали вокруг него пустоту.

Маяковский не лгал, когда называл себя «поэтом революции». Но поддержка и одобрение правительства ставили его под угрозу. Это сказалось на явном падении своеобразия его стихов, которые вначале, несомненно, являли революцию в стиле. Что же касается Есенина или Ахматовой, то ни он, ни она не могли стать вождями других поэтов. Когда им противопоставляют Гумилева, сразу возникает вопрос о том, чем отличаются стихи, которые волнуют, от стихов, кажущихся холодными? Бедный Гумилев! Сколько раз его уличали в холодности, которая у него есть не что иное, как контролируемый волей восторг!

Конечно, Есенин мелодичнее, доступнее, но ему не хватало культуры в широком смысле слова. Вот почему его прелесть, которую некоторые критики сравнивают с пушкинской, граничит порой с сентиментальностью.

Ахматова — большой поэт. В своих первых стихах, которые принесли ей огромную популярность, она очаровательна и тонка. Во второй период своей поэтической деятельности она еще обаятельнее. Но разве в глубоких, про-

роческих, изычно-строгих стихотворениях, собранных в «Anno Domini MCMXXI», находят свое решение, хотя бы в минимальной степени, проблемы творчества, выдвинутые ее предшественниками?

Мандельштам же, блестящий поэт, будучи лишенным бойцовского темперамента, оставался в стороне.

К концу первого десятилетия нашего века только два поэта, Блок и Гумилев, были способны выразить, хотя и с диаметрально противоположных позиций, всю сложность исторического кризиса, переживаемого в России.

«Белая» и «красная» Россия.

Культурный климат Петрограда

Октябрьская революция, казалось, разорвала Россию на две части: красную и белую. Долгая борьба белых армий с Красной, различные этапы этой борьбы и трагедия мирного населения, запуганного воюющими сторонами, уже принадлежат истории. На культурном фронте борьба была еще упорнее. «Мы с глубоким горем переживаем раскол нашей литературы на „эмигрантскую“ и „русскую“», — писали руководители петербургского Дома литераторов руководителям Дома искусств в Берлине. Эти наивные и бесполезные суждения восходят к началу революции. Попытки сближения продолжались вплоть до наших дней, но все-таки существует пропасть. Во всей истории прежних эмиграций, включая французскую эмиграцию во время Наполеона, не было такого количества писателей, ученых, художников, покинувших свою родину, чтобы искать убежища на чужой земле.

Трудно сказать, вернулся ли бы Гумилев в Россию, если б знал, что победа останется за революцией. Вот загадка! Почему он не остался в Париже, а предпринял рискованную поездку на охваченную огнем родину?

Этот вопрос должны были бы себе задать все те, кто подобно Иванову-Разумнику, теоретику «скифства» (своеобразного славянофильства, адаптированного к новым обстоятельствам), противопоставляли «иноземному» Гумилеву «подлинных русских» Блока и Белого.

Это противопоставление бросает свет на два основных направления послереволюционной мысли в России. Итак, нам приходится уделить больше внимания этой проблеме, которую нельзя обойти, когда речь идет, например, об отрочестве Гумилева и о его реакции на революцию 1905 года. Та же проблема, на наш взгляд, лежала в основе глубоких расхождений между Гумилевым и Ахматовой.

Наступил год 1918-й. Большевицкая революция в полном разгаре. Будучи верным самому себе, Гумилев ее не принимает. Будучи в той же степени верным самому себе, Блок принимает ее. Сталкиваются два мира, две культуры, две идеологии.

Блок и Гумилев перед лицом революции

Александр Блок и Андрей Белый приветствовали октябрьский переворот поэмами «Двенадцать» и «Христос воскрес». По их версии, Провидение

послало победу большевикам в отместку за преступления, содеянные царями, помещиками, русской буржуазией. Интеллигенция почти единодушно приветствовала февральскую революцию 1917 года. Казалось, осуществляются мечты Новикова, Радищева, декабристов. Все надежды возлагались на Учредительное собрание. После крушения этих иллюзий интеллигенция объявила Блока предателем. Он ответил знаменитой статьей «Россия и интеллигенция». Уже в поэме «Возмездие» и особенно в этой статье, где он по примеру Ибсена пытается реабилитировать Катилину, Блок показывает, что нет у него ничего общего ни с защитниками монархии (которым сочувствовал Гумилев), ни с приверженцами февральской революции, среди которых были почти все крупные писатели.

Два вида патриотизма

В известный период и Блок, и Гумилев олицетворяли два полюса истинного патриотизма. В то время как Блок выражал во всем объеме мистическую основу народного бунта, Гумилев мужественно держался своего мнения. Блок заколебался: знаменитая речь, посвященная памяти Пушкина, выдает смятение его духа. Гумилев оставался твердым, безмятежным, сдержанным. Поведение обоих выдержано в стиле русской традиции. В стихотворении «Поэт и чернь» Пушкин, кажется, заранее оправдал Гумилева, который так же пренебрегал невзгодами обыденной жизни и требовал абсолютной независимости поэта. Но в не менее знаменитом стихотворении «Пророк» он освятил то, что станет вечной заботой Блока. «Мы не пророки, мы только поэты», — вздыхал последний. На чьей стороне находится в конце концов Пушкин, один из величайших поэтов человечества? На стороне обоих, должно быть. Не является ли эта способность примирить крайности лишним доказательством его недостижимого величия?

И внемлет арфе Серафима

В священном ужасе поэт.

Эти две строки, обращенные к митрополиту Филарету, выражают самую суть конфликта между религиозным и чисто художественным сознанием. Мы уже отмечали, что уравновешенность этих двух позиций, воплощенная Пушкиным, разрушалась в творчестве его преемников.

«Глаголом жги сердца людей», — повелевает Бог пушкинскому пророку. «Поэт клеймит сердца гармонией», — отвечает Блок.

Гумилев делал акцент на вечном значении поэзии как таковой. Он, может быть, веровал больше, чем Блок, и под поэзией разумел нечто божественное. Но тут речь шла скорее о каком-то языческом божестве. Блок говорит о пророке, Гумилев воспекает друидов. Здесь опять сказывается его «лейкистская» сторона, его привязанность к кельтской мифологии.

Перевод с французского Луи Аллена. Печатается в сокращении.

Продолжение следует. Начало в «РМ» №4069.